

И. Сtryхарский
(г. Ольштын, Польша)

ВОСПРИЯТИЕ ПЬЕСЫ М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ» В ПОЛЬШЕ

Максим Горький — это имя уже больше ста лет известно всему миру, ибо творчество писателя составило целую эпоху в развитии мировой литературы. Это одна из ключевых фигур литературного рубежа XIX и XX столетий.

Знакомство поляков с произведениями М. Горького началось уже в 80-х годах девятнадцатого столетия. Их читали как в оригинале, так и в переводах, которые уже появились в конце XIX и начале XX вв., печатаемых в журналах и отдельных изданиях. Этот писатель был хорошо знаком польскому обществу и как драматург. На сценах польских театров были поставлены почти все его пьесы. Горького открыл для польских сцен Юзеф Котарбинский — известный актёр, режиссёр, директор театра в Кракове. Уже в 1903 году пьеса «На дне» была поставлена в Кракове, Львове и Познани и неизменно пользовалась большим успехом у зрителей. По мнению Ю. Котарбинского, такой восторженный отклик у зрителей и критики был вызван «большим реалистическим талантом писателя, выступившего выразителем новых демократических идей и творцом полного сочувствия к судьбам бедных и обездоленных»¹.

Во Львове пьесу «На дне» в переводе Александра Зельверовича поставил известный режиссёр Тадеуш Павликовский. В своих воспоминаниях Людвик Сельский, исполнявший роль Актёра, писал, что ценители российского театра считали эту постановку лучше МХАТовской, что подтверждали зрители, имевшие возможность посмотреть пьесу во время гастролей театра Станиславского в Варшаве. И не случайно на пьесы Горького обратил внимание и дал им высокую оценку ведущий польский писатель того времени Ян Каспрович. Обстоятельный и вполне квалифицированный анализ обширной рецензии «Мещан», большой критической статьи Каспровича об этой пьесе, провёл Базыли Бялокозевич в своём исследовании «Пьеса М. Горького «Мещане» в восприятии Яна Каспровича»².

Каспрович встретил также с большим интересом постановку «На дне» на сцене Львовского театра в июне 1903 года. В сравнительно небольшой заметке, опубликованной во львовской газете «Слово Поль-

ске» от 16 июня 1903 г. (№ 274. С. 4–5), Каспрович сообщает, что прежде чем напишет обстоятельный театральный разбор пьесы, пока ограничивается несколькими основными замечаниями. К сожалению, обширный анализ постановки «На дне» так и не появился. Причины пока не установлены. Но так как и эти краткие заметки содержат очень интересные мысли и суждения Каспровича, мы на них и остановимся. В тезисном плане можно представить их следующим образом:

1) Новое произведение М. Горького в сценической структуре, противоречащее всем схематическим правилам (на французский манер), построено превосходно.

2) В описании образа жизни, событий, происходивших в среде общественных отбросов (из этого не вытекает, что все эти оборванцы, шулеры и воры были в моральном отношении существами полностью испорченными), эта драма в моральном смысле не уступает «Мещанам», имеет столь же глубокую психологическую основу, хотя в общем превышает эту последнюю в отношении символики некоторых специальных условий.

3) В идейном и эмоциональном понимании такой жизни Горький склоняется к крайнему пессимизму, ведущему к совершенному нигилизму моральных различий (нет людей добрых и злых), а олицетворённому, прежде всего в Актёре, будь он сыгран более рефлексивно, чем это сделал господин Сельский, постигающий его более реально, чем символично, стал бы несомненно главным элементом пьесы (из-за дефектной интерпретации является только эпизодом) и «ужасный образ нищеты случайной, приуроченной» поднял бы в глазах зрителя до общечеловеческого соизмерения трагедии.

4) В этот очень грустный, трагикомический жизненный фарс (это основное горьковское мировоззрение), в водоворот вонючей, грязной, оборванной жизни, решением которой является веревка удавленника, русский писатель бросил фигуру, в известной степени знакомую из «Мещан», представляющую собой спокойный отказ от всяческих претензий к судьбе. Однако это отречение не имеет, как в случае с Перчихиным из пьесы «Мещане», совершенно пассивного характера, наоборот, с момента появления на сцене «странника» Луки, в нём заметно мистическое стремление к неосознаваемому идеалу, лучшему, благородному быту (стремление, указанное в упоминании о появлении где-то новой веры).

Что касается игры актёров и её влияния на общую оценку пьесы, Ян Каспрович советует некоторые изменения, свидетельствующие о его

большом театральном опыте. Положительную оценку получила также оранжевая сцена убийства Костылёва, когда над разбушевавшейся толпой звучит мелодия сапожничьей гармоники, вызывающей потрясающее впечатление.

История театрального, критического и литературоведческого восприятия пьесы «На дне» в Польше составляет яркую картину польско-русских взаимосвязей и взаимоотношений в сфере культуры. Это необыкновенно важная тема, над которой автор нынешнего выступления всё ещё работает. И как говорил Козьма Прутков в одном из своих афоризмов в «Плодах раздумий» (1854): «Никто не обнимет необъятного», и я сейчас сосредоточусь лишь на постановке этой драмы в моём родном городе Ольштыне, столице Вармии и Мазур, расположенном на территории бывшей Восточной Пруссии.

Позвольте всё-таки начать с дигрессии. Хочу напомнить, что в послевоенные годы драма Горького, которого сталинская пропаганда объявила классиком социалистической литературы, неоднократно гостила на сценах польских театров. Однако большинство театральных критиков, несмотря на общечеловеческие, морально-философские аспекты пьесы, концентрировало своё внимание прежде всего на сюжетных линиях, разоблачающих общественную несправедливость, доискивалась до подтекстов, вдохновляющих и оправдывающих классовую борьбу. Остальное — как у Шекспира — оставалось молчанием.

Итак, спустя семьдесят девять лет после премьеры во Львове в октябре 1982 г. олштынский театр имени Стефана Ярача поставил горьковскую драму на своей сцене. И эта единственная в то время — что особенно стоит отметить — инсценировка драмы Горького совпала с беспокойными событиями 80-х годов: массовыми забастовками польских рабочих, созданием Солидарности, и, прежде всего, с введением в стране военного положения, волной антисоветских настроений. В этой ситуации любая критика произведения русского драматурга, особенно «основоположника социалистической литературы», для польского зрителя не была бы ничем неожиданным. Тем более что первый раз за многие десятилетия современные критики, представители разных политических взглядов, имели возможность без каких-либо ограничений высказаться не только на тему сценографии, актёрской игры и единственно правильной интерпретации пьесы. В результате олштынская инсценировка «На дне» неожиданно явилась хорошим предлогом для качественно новой дискуссии на тему творчества Горького, философского со-

держания драмы. Итак, в олыштынской печати появились многочисленные рецензии и статьи, касающиеся горьковского произведения.

Премьера «На дне» состоялась на Камерной сцене, которая благодаря непосредственной близости со зрителем детерминирует характер восприятия пьесы. «Перед нами образ нищеты, ночлежная яма для отбросов, абстрактный, обобщенный образ упадка»³, — написал в статье под заглавием «Человек — это звучит гордо» Януш Сегет, театральный критик партийной «Олыштынской газеты». Критик замечает, что пьеса Горького из-за своей универсальности представления человеческой чистоты создаёт актёрам большие возможности воплощения сценического образа. Однако этот шанс в постановке олыштынского театра был использован неполностью. Каждый персонаж на сцене ассоциируется со знаменитыми исполнениями, склоняет к сравнениям. И не всегда эти сравнения в нашу пользу. По-новому представлена роль Василисы. Перед нами молодая женщина, глубоко переживающая свою личную драму, а не просчитавшаяся в чувствах интриганка, властная хозяйка. Экспрессивно, остро, с глубоким чувством несправедливости исполнена роль Насти. Тиха и добра Наташа. «Пьеса тяжёлая, грустная, длинная, почти лишённая действия, остро драматургического напряжения. Рассчитывать на посещаемость не может, в лучшем случае заинтересует любителей театра», — подчёркивает Януш Сегет. Да, это стоит отметить: Горький только для знатоков — ценителей философии, высокой культуры и сценического жанра! Про идеологические «массы» ни слова. Дежурный критик партийной консервативной газеты как будто забыл, что до сих пор над творчеством Горького, как меч Дамокла, висел призрак классовой борьбы. В общем, поверхностная рецензия. Но всё-таки знак грядущих времён.

Совсем по-другому оценивает постановку олыштынского театра Бохдан Куровский — «любимец местных диссидентов», как назвал его в одной из статей Я. Сегет. В католическом двухнедельнике «Посланец Варминский» 1983/2 Бохдан Куровский в статье под заглавием «Хлопоты с любовью»⁴ обращает внимание, прежде всего на проблему интерпретации роли Луки, на которую многие годы ложилась тень советская трактовка. Эту роль играли выдающиеся польские актёры: К. Опалинский (Варшавский народный театр, 1963), Я. Маховский (Аттенеем. Варшава, 1972), Я. Свидерский (Театр телевидения). И только краковский спектакль, режиссированный Лидией Замков (Камеральный театр, 1960), связанный с христианской символикой, имел однозначно положительные отклики критики. Там Лука был человеком «ин-

телигентным, чутким, с чувством справедливости и юмора утешающим несчастных собратьев».

Ольштынский спектакль тоже вносит свой вклад в многолетний спор об этой пьесе. Автор статьи предлагает посмотреть на неё не только через призму театральных традиций, но и через призму жестокого общественного опыта, урока, который преподнёс нам театр жизни XX века. Актёр Лех Гвит сыграл Луку не «лукавого», не хитрого и агрессивного. Его Лука терпеливый, всепрощающий, добрый, но неуступчивый человек. Это хороший психолог, не оставляющий сомнения, что движет им чувство любви к человеку. И весь спектакль в целом оставляет впечатление, что именно Луке и его появлению обязаны жители ночлежки как бы своим вторым рождением. Режиссёр К. Росцишевский решил представить пьесу как поэтическую, несмотря на все ужасы, напомнить о человеческой судьбе. Сценография оставляет место для фантазии зрителя. Этот дом мог бы быть тюрьмой, что подчёркивает исполнение фрагментов тюремной песни в заключение каждой сцены. Эту песню поют ночлежники, собравшись за столом в самом конце пьесы. Последняя сцена наводит на мысль о «Тайной вечере» Христа. Связь, появившаяся между этими людьми, чувство одной общей судьбы, выше каждой отдельной трагедии. Чему послужит это сознание единства? Это связь во имя любви или во имя ненависти? Своё мнение выражает режиссёр комментарием без слов, вводя ещё одну особу. Свет прожекторов выхватывает из темноты силуэт сидящей неподвижно и жующей корку хлеба нищенки. Это как бы аллегория Нищеты. Через философский диспут пробивается её плач.

Это мнение критиков. Стоит, однако, помнить, что у каждого из них своё видение, опыт, знания, восприятие, и, прежде всего, свои индивидуальные критерии оценки литературного произведения. Не стоит также забывать, что всякая рецензия обусловлена, однако, не только личностью её автора, но и событиями, которые сопутствуют каждой очередной инсценировке. Всё это влияет на восприятие литературного произведения, его индивидуальную и общественную концепцию. Уже замечено, что именно в кризисные времена пьеса вызывает к себе наибольшее внимание.

То же самое произошло в Ольштыне в беспокойные восьмидесятые годы. Но всё же ни один из упомянутых критиков, независимо от его политических убеждений, не мог промолчать, уменьшить значение пьесы Горького. Великая литература ещё раз доказала, что она выше национальных, политических и общественных розней. Так же как и её

создатель, поскольку даже современные антисоциалисты готовы согласиться, что хотя для марксистской литературы Горького «родила» «Мать», но до того он уже успел побывать на общечеловеческом «дне».

Всё это является подтверждением слов Ивана Кирилловича Кузьмичёва, знаменитого исследователя творчества М. Горького, написанных в начале 80-х годов: «Может случиться, что... «На дне» окажется не только обвинением прошлому, но и уроком настоящему. Возможно, чем-то намекнёт нам и на будущее». «На дне» — это суровая реалистическая драма, а герой в ней — сама жизнь. Размышления о М. Горьком, о его судьбе, судьбе его литературного творчества — это размышления о нас самих. Нам, подобно героям пьесы, неоткуда ждать помощи, мы либо найдём в себе силы жить достойно, гордо, чего всегда желал человечеству Горький, либо погибнем. В этом заключается подлинный драматизм не только пьесы, но и любой человеческой судьбы. И эту универсальную, гениальную по своей простоте мысль Горький передаёт нам и спустя сто лет после написания пьесы.

Примечания

1. Franciszek Sielicki: Maksym Gorki w kręgu spraw polskich. Instytut Wydawniczy. 1971. S. 76–77.
2. Бялокозовыч Б. Пьеса М. Горького «Мещане» в восприятии Яна Каспровича // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. В. 2. Н. Новгород, 2001. С. 40–55.
3. Segiet Janusz: to brzmi dumnie: czlowiek. Gazeta Olsztyńska. 1982. № 215. S. 6.
4. Kurowski Bohdan: Kłopoty z miłością. Posłaniec Warmiński. 1983. № 2.